

Аннотация

Рассказ от создателя «Великого Гэтсби», напечатанный в 1930-е годы на страницах американского издания Esquire, теперь впервые появился на русском языке.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд Сама по себе

Когда он прошел по палубе в третий раз, Эвелина посмотрела на него. Она стояла, прислонясь к фальшборту, а потом, заслышав его шаги, откровенно повернулась и упорно глядела ему в глаза, пока он их не опустил: так порой делают женщины, чувствуя себя под защитой других мужчин. Барлотто, игравший в пинг-понг с Эдди О’Салливаном, заметил это.

— Ага! — сказал он, оторвавшись от игры, когда незнакомец еще не покинул пределов слышимости. — Значит, тебя интересуют не только немецкие принцы?

— Откуда ты знаешь, что он не принц? — спросила Эвелина.

— Знаю, потому что принц — тот белоглазый, с лошадиным лицом. А этот... — он извлек из кармана список пассажиров, — либо мистер Джордж Айвз, либо мистер Джубал Эрли Роббинс с камердинером, либо мистер Джозеф Уиддл с миссис Уиддл и шестью детьми.

Они плыли на небольшом немецком судне, пять дней тому назад отправившемся на запад из Шербура. Стоял февраль месяц, и море было грязно-серое, подернутое дождевой рябью. Над всеми открытыми участками прогулочной палубы натянули парусину, и даже стол для пинг-понга блестел от влаги.

Тик-пок, тик-пок. Барлотто внешне смахивал на Валентино;¹ с тех пор как он позволил себе дерзость во время румбы, она не любила выходить с ним на сцену. Но Эдди О’Салливан оставался одним из ее ближайших друзей в труппе. Подсознательно она ожидала, что незнакомец сделает по палубе еще один круг, но он больше не появился. Отвернувшись, она снова стала глядеть на море сквозь оконные стекла; вдруг горло у нее сжалось, и она приникла теснее к деревянному поручню, чтобы унять дрожь в плечах. В ушах у нее звенело: мой отец мертв... когда я была маленькой, мы гуляли по городу воскресным утром, я в накрахмаленном платье, и он покупал себе сигару и вашингтонскую газету и так гордился своей хорошенькой девочкой! Он всегда очень гордился мной... приезжал в Нью-Йорк посмотреть на меня, когда я открывала сезон с братьями Маркс,² и всем в гостинице рассказывал, что он мой отец, даже мальчикам-лифтерам. И пускай, ведь это доставляло ему столько удовольствия: наверное, он с юношеских лет ничему так не радовался. Ему бы понравилось, знай он, что я поехала к нему из такого далека, из самого Лондона.

— Партия, — сказал Эдди.

Она обернулась.

— Пойдем-ка разбудим Барни и сыграем в бридж, что ли, — предложил Барлотто.

Эвелина двинулась первой, время от времени совершая пируэты на мокрой палубе, потом, подхлестнутая порывом сырого ветра, запела «Дорогу в Буффало». У двери она поскользнулась, нырнула вниз, еле успев схватиться одной рукой за перила трапа и чудом удержавшись на ногах, — и буквально нос к носу столкнулась с давешним одиноким незнакомцем. Ее рот комично раскрылся; она с трудом восстановила равновесие. Потом мужчина сказал: «Прошу прощения» — по выговору в нем безошибочно угадывался

---

¹ Рудольф Валентино (1895–1926) — актер и танцовщик, звезда немого кинематографа.

² Братья Маркс — знаменитые американские комики первой половины XX века.

южанин. Прежде чем разойтись, они снова встретились взглядами.

На следующий день, в курительной, незнакомец спросил у Эдди О'Салливана:

— Кажется, вы и ваши друзья играли на лондонской сцене в «Хроническом недуге»?

— Да, три дня назад еще играли. До окончания контракта оставалось полмесяца, но мисс Лавджой вызвали в Америку, так что пришлось закрыться.

— И вся труппа теперь на борту? — Любопытство чужака было ненавязчивым, это был просто добродушный интерес с примесью вежливого уважения к романтике театра. Эдди О'Салливану новый собеседник показался приятным.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Нет, здесь только Барлотто, наш красавчик, и мисс Лавджой, да еще Чарльз Барни, продюсер, вместе с женой. Мы уехали почти сразу же, а остальные вернутся на «Гомерике».

— Мне очень понравилось ваше представление. Я ездил по свету, две недели назад очутился в Лондоне — так хотелось чего-нибудь американского, и тут как раз вы.

Часом позже Эвелина заглянула в курительную и обнаружила их там.

— Что это вы здесь прячетесь? — требовательно спросила она. — А кто будет смеяться моим штучкам? Эта банда шулеров внизу?

Эдди познакомил ее с мистером Джорджем Айвзом. Эвелина увидела симпатичного, хорошо сложенного человека с волевым, беспокойным лицом. Тонкие морщинки в уголках глаз говорили о стремлении навязать миру свои правила игры. Джордж Айвз, со своей стороны, увидел довольно маленькую темноволосую девушку двадцати шести лет, горящую энтузиазмом, который нельзя было назвать иначе как профессиональным. Иначе говоря, он не был любительским — таким, какой можно истратить целиком на кого-то одного или даже на группу людей. Временами он овладевал ею столь безраздельно, преображая каждый оттенок выражения, каждый случайный жест, что казалось, будто у нее вовсе нет собственной индивидуальности. Ее рот был сложен из двух небольших вишенок — разлучаясь, они порождали обворожительную улыбку, — а темно-карие глаза были огромны. Не такая уж красавица в общепринятом смысле, она за считанные секунды могла убедить окружающих в обратном. В ее прелестной фигурке таились маленькие железные мышцы. Сейчас она была в черном и, пожалуй, немного чересчур нарядном платье — она всегда одевалась шикарно и немного чересчур.

— Я восхищаюсь вами с тех самых пор, как вы бросились на меня вчера днем, — сказал он.

— Надо же было как-то вас заинтриговать. Что еще делать девушке в море — удить рыбу?

Они сели.

— Долго вы пробыли в Англии? — спросил Джордж.

— Около пяти лет — на меня там спрос. — В серьезные минуты в ее голосе проскальзывала тень британского акцента. — Вообще-то я не умею как следует делать что-нибудь одно: немножко пою, немножко танцую, немножко кривляюсь, так что англичане считают меня выгодным приобретением. В Нью-Йорке нужны специалисты.

Было ясно, что она предпочла бы такую же популярность в Нью-Йорке.

В комнату вошли Барни, миссис Барни и Барлотто.

— Ага! — воскликнул Барлотто, когда им представили Джорджа Айвза. — А она не верила, что вы не принц. — Он положил руку на колено своему новому знакомому:

— Мисс Лавджой искала принца с того самого дня, как услышала, что он на борту. Мы сказали ей, что это вы.

Эвелина устала от Барлотто, устала от всех них, кроме Эдди О'Салливана, однако ей хватало такта не показывать этого, когда они работали вместе. Она огляделась. Кроме их компании и двух русских священников за шахматной доской, в курительной никого не было: первым классом ехали всего тридцать пассажиров, хотя в нем вполне могли бы разместиться две сотни. И вновь она задумалась о том, какая Америка ее ждет. Вдруг комната стала угнетать ее — она была слишком велика, слишком пуста, — и Эвелина ощутила

настоятельную потребность создать вокруг немного отзывчивой суеты и веселья.

— Пойдемте ко мне в салон, — сказала она, вложив в голос весь свой пыл, так что в нем прозвенело свободное, волнующее обещание. — Включим фонограф, позовем судового врача и старшего механика и заставим их играть в покер. Я буду приманкой.

Когда они спускались на нижнюю палубу, она уже знала, что затевает все это ради новичка. Ей хотелось сыграть для него, показать, какую радость она умеет дарить людям. Под причитания фонографа — на нем завели песенку «Ты сводишь меня с ума» — она дала волю фантазии. Она была гангстершей, «марухой», а все путешествие служило единственной цели: заманить мистера Айвза в лапы мафии. С наигранной хрипотцой она обращалась то к одному, то к другому; двух немцев из судовой команды тоже вовлекли в происходящее, и они, плохо понимая английский, тем не менее уловили живость и обаяние этого импровизированного спектакля. Она была Энн Пеннингтон, Хелен Морган,³ жеманным официантом, явившимся, чтобы принять заказ, — всеми ими по очереди, и все это в такт непрекращающейся музыке.

Позже Джордж Айвз пригласил всех поужинать с ним сегодня вечером в ресторане наверху. А когда народ разошелся и глаза Эвелины обратились к нему, ища одобрения, он спросил, не хочет ли она прогуляться с ним перед ужином.

На палубе было еще сыро, и парусина по-прежнему защищала их от надоедливой мороси. Тускло мерцали желтые лампочки, на пустых шезлонгах валялись брошенные одеяла.

— Здорово у вас получается, — похвалил он. — Вы похожи на... на Микки-Мауса.

Она схватила его за руку и повисла на ней, скорчившись от смеха.

— Мне нравится быть Микки-Маусом. Послушайте — именно здесь я стояла и смотрела на вас, когда вы проходили мимо. Почему вы не сделали четвертый круг?

— Вы меня смутили, и я поднялся на шлюпочную палубу.

Когда они добрались до носовой части, вдруг разом распахнулось множество дверей и люди ринулись из них к бортам. — Наверное, им дали что-нибудь не то на ужин, — сказала Эвелина. — Нет... глядите!

Это была «Европа» — плавучий остров света. Она становилась больше с каждой минутой, на глазах превращаясь в заманчивую волшебную страну: на палубе огромного корабля играла музыка, лучи прожекторов скользили по его собственным бокам. В бинокль можно было различить фигурки, выстроившиеся вдоль поручней, и Эвелина мигом сочинила забавную историю о человеке, который сам гладит себе в каюте брюки. Зачарованные, они смотрели, как стремительно движется вперед быстроходный лайнер.

— Ой, папочка, купи! — воскликнула Эвелина, и тут что-то у нее внутри оборвалось: великолепное зрелище и реакция на недавнее возбуждение наложились друг на друга, у девушки перехватило дух, и ей снова живо вспомнился отец. Без единого слова она ушла вниз.

Два дня спустя они с Джорджем Айвзом стояли на палубе, а мимо плыли гигантские, неуклюжие сооружения Кони-Айленда.

— Что тебе сейчас сказал Барлотто? — спросила она.

Джордж рассмеялся:

— Он повторил то, что я уже слышал сегодня от Барни, только с большей настойчивостью.

Она испустила стон.

— Он сказал, что ты всем морочишь голову... и что с моей стороны будет очень глупо считать этот легкий флирт на корабле чем-то серьезным: все они по очереди были в тебя влюблены, и из этого ни разу ничего не вышло.

---

³ Хелен Морган, Энн Пеннингтон — американские актрисы и певицы, популярные в 20 — 30-х годах прошлого века.

— Он не был в меня влюблен, — возразила она. — Просто позволил себе лишнее, когда мы танцевали вместе, и я его осадила.

— Барни тоже немножко волновался: сказал, что ты ему как дочь.

— Они мне надоели, — выпалила она. — Теперь им кажется, что они меня любят, только потому, что...

— Потому что видят, как влюблен я.

— Потому что я, по их мнению, заинтересовалась тобой. Два дня назад никто из них и не думал беспокоиться. Пока я их смешу, все в порядке, но стоит мне захотеть чего-нибудь своего, как они тут же начинают волноваться и проявлять заботу. Наверное, Эдди О'Салливан будет следующим.

— Зря я поделился с ними нашим открытием, сказал, что наши дома в Мэриленде разделяет всего несколько миль.

— Да нет, просто я единственная девушка с приличной внешностью в восьмидневном рейсе, яблоко раздора в мужской компании. В Нью-Йорке никто из них обо мне и не вспомнит.

Они были еще вместе, когда на них в ранних сумерках надвинулся город — высокая белая гряда южного Нью-Йорка, сбегаящая вниз, точно пролет гигантского моста, и снова взмывающая к вершинам в центре, увенчанная диадемами пенистого света под россыпью звезд. — Не пойму, что со мной такое, — всхлипнула Эвелина. — Последнее время я все плачу и плачу. Как будто трагическую роль репетирую.

На палубе заиграл немецкий оркестрик, но под сенью величественного города марш показался каким-то жалким брэнчанием; через несколько минут музыка смолкла.

— О боже! Это так прекрасно... — ее голос сорвался на шепот.

Если бы он не ехал с ней на юг, их роман, наверное, закончился бы часом позже, на таможне. И на следующий день, когда они направлялись в Вашингтон, ее новый друг временно отступил на задний план, а на передний выдвинулся отец. Джордж Айвз был просто милый американец, привлекательный для нее физически: с таким приятно немного понежничать в темноте за спасательной шлюпкой, но и только. У железной решетки на Вашингтонском вокзале, где их пути расходились, она поцеловала его на прощание и совсем не вспоминала о нем, пока ее поезд тащился к глинистым, поросшим низкими перелесками равнинам южного Мэриленда. Прикрывшись ладонями, Эвелина провожала взглядом погруженные во тьму редкие поселки и разбросанные там и сям огоньки одиноких ферм. На маленьком полустанке Роктауна ее встретил брат с соседским «фордом»: вся обивка в машине облезла, так что Эвелине стало неловко за свои добротные чемоданы. Она увидела знакомую звезду, из полумрака донесся смех негра, вместе с прохладным ветерком к ней прилетел слабый узнаваемый запах — она была дома. Утром, во время заупокойной службы на Роктаунском кладбище, Эвелине мешало ощущение, что она на сцене, что на нее смотрят, и это приглушило ее печаль; потом все кончилось, и сельский врач обрел свое место среди десятков Лавджоев, Дорси и Крошоу. Здесь, в окружении многочисленных родственников, его можно было оставить с чистой совестью. Потом, когда они отошли от могилы, Эвелина наткнулась взглядом на Джорджа Айвза; он стоял чуть поодаль, держа в руке шляпу. У ворот он заговорил с ней. — Извини, что пришел незванным. Мне нужно было убедиться, что у тебя все нормально.

— Пожалуйста, заberi меня отсюда поскорее, — сказала она, поддавшись внезапному импульсу. — Я не могу долго это выносить. Хочу сегодня же поехать в Нью-Йорк.

У него вытянулось лицо.

— Так скоро?

— Мне нужно выучить много новых танцев и обновить репертуар. За границей как-то отстаешь от жизни.

Он заехал за ней ближе к вечеру, свежий и чистый, как его маленький автомобиль. Когда они отправлялись, она заметила, что работники на бензоколонке откликаются на его просьбы с готовностью и уважением. Приятно было видеть этого человека на фоне

пробуждающейся весенней природы, его изысканная вежливость напоминала о славном прошлом Мэриленда. В нем не было европейской широты, он не старался то и дело напоминать ей о ее привлекательности; порой он словно вовсе забывал о ее существовании и молчал чуть ли не по полчаса.

Они еще раз остановились у кладбища: она взяла с собой охапку цветов, чтобы в знак последнего прощания положить их на отцовскую могилу. Он ждал ее в машине, около ворот.

Цветы рассыпались по рыхлой, не успевшей осесть земле. Теперь ее больше ничто здесь не удерживало, и она не знала, вернется ли сюда еще когда-нибудь. Она опустилась на колени. Все эти мертвецы вокруг — она знала их всех, знала их побитые непогодой лица с твердым взглядом ярких синих глаз, их крепкие худощавые тела, их души, сотворенные из новой глины под сенью леса в долгой густой тьме семнадцатого столетия. Минута за минутой чары росли, и вот уже стало трудно вырваться обратно в тот мир, где она ужинала с королями и принцами, где ее имя, выведенное аршинными буквами, бросало вызов таинству ночи. Ей вспомнились строчки Уильяма Макфи.⁴

О друг мой преданный, ты голову сложил, Покуда я впустую море бороздил.

Потом слова ушли — и она внезапно будто надломилась и поникла, горько плача.

Сколько протекло времени, она не знала. Цветы уже стали невидимыми, когда ее окликнули сзади по имени; тогда она поднялась и вытерла слезы.

— Иду! — и после: — Ну что же, прощай, отец... все отцы.

Джордж усадил ее в машину и накинул ей на плечи теплый плащ. Потом сделал большой глоток из фляги с местным ржаным виски.

— Поцелуй меня, и поедem, — вдруг сказал он.

Она почти коснулась губами его щеки.

— Нет, по-настоящему. Поцелуй.

— Не сейчас.

— Я тебе не нравлюсь?

— Мне сейчас не хочется, и лицо у меня грязное.

— Какая разница.

Его настойчивость вызвала у нее досаду.

— Поехали, — сказала она.

Он завел мотор.

— Спой мне что-нибудь.

— Потом, сейчас мне не хочется.

Через полчаса быстрой езды он остановил машину под большими развесистыми деревьями.

— Пора еще выпить. А ты не будешь? Холодает.

— Ты ведь знаешь, что я не пью. Пей сам.

— Если не возражаешь.

Сделав глоток, он снова повернулся к ней.

— Может быть, теперь ты меня поцелуешь?

Она покорно поцеловала его, но он не был удовлетворен.

— Я просил по-настоящему, — повторил он. — Не так осторожно. Ты же знаешь, как я влюблен, и говоришь, что я тебе нравлюсь.

— Конечно, — нетерпеливо откликнулась она. — Но сейчас неподходящее время. Потом как-нибудь. Ну поехали!

— Но я думал, я тебе нравлюсь.

— Если будешь так себя вести, разонравишься.

— Значит, и не нравился никогда.

— Ох, не валяй дурака, — вырвалось у нее. — Конечно, ты мне нравишься, но я хочу

---

⁴ Уильям Макфи (1881–1966) — известный американский писатель.

попасть в Вашингтон.

— У нас уйма времени, — и потом, не дождавшись ответа: — Поцелуй хоть разок, и поедем. Она рассердилась. Будь он не так ей симпатичен, она перевела бы все в шутку. Но в ней не было смеха — только усиливающееся недовольство.

— Видишь ли, — со вздохом сказал он, — мой автомобиль очень упрям. Он не тронется с места, пока ты меня не поцелуешь. — Он хотел взять ее за руку, но она отпрянула.

— Ну вот что, — она почувствовала, как ее щеки и даже лоб теплеют от гнева. — Если ты действительно хотел все испортить, по-моему, это тебе удалось. Я думала, такое бывает только в комиксах. Это так грубо и... — она поискала слово, — так по-американски. Ты бы еще назвал меня «своей девочкой».

— Ох. — Через минуту он завел двигатель, потом машина тронулась. На небе впереди висело красное зарево Вашингтона. — Эвелина, — вскоре сказал он. — Для меня нет ничего более естественного, чем желание поцеловать тебя, и я... — Это было так бесцеремонно, — прервала его она. — Выпить полпинты виски, а потом заявить, что ты никуда не поедешь, пока я тебя не поцелую. Я не привыкла к таким вещам. Мужчины всегда обращались со мной исключительно деликатно. Некоторых вызывали на дуэль только за то, что они посмотрели на меня в казино, — и вдруг ты выкидываешь такое, а ведь ты мне по-настоящему нравился. Надо же было... — и она вновь с горечью повторила: — Это так по-американски.

— Что ж, я не чувствую за собой вины, но мне жаль, что я тебя огорчил.

— Неужели ты не понимаешь? — возмутилась она. — Если бы мне захотелось целоваться, я бы дала тебе знать.

— Мне очень жаль, — повторил он.

Они поужинали в привокзальном буфете. Он расстался с ней у двери вагона.

— До свидания, — сказала она, но уже с прохладой. — Спасибо за интересную поездку. И загляни ко мне, когда будешь в Нью-Йорке.

— Ну и глупо, — отозвался он. — Ты даже не хочешь поцеловать меня на прощанье.

Ей совсем этого не хотелось, и она помедлила, но потом все же чуть наклонилась к нему со ступеньки. Но в этот раз он отпрянул сам.

— Ничего, — сказал он. — Я понимаю, каково тебе сейчас. Увидимся, когда приеду в Нью-Йорк.

Он снял шляпу, вежливо поклонился и зашагал прочь. Чувствуя себя очень одинокой и потерянной, Эвелина вошла в вагон. Вот они, корабельные знакомства, подумала она. И все-таки ощущение одиночества почему-то не проходило. Она поднялась по лестнице среди стали, стекла и бетона, прошагала под высоким гулким куполом и вышла в Нью-Йорк. Она стала его частью, еще не успев добраться до своей гостиницы. Увидев ожидающие ее письма и цветы в номере, она поняла, как сильно ей хочется жить и работать здесь, в могучем потоке радостного волнения, не отпускающего душу с рассвета и до заката.

Через два дня все вошло в привычную колею: по утрам несколько часов разминки, чтобы вернуть гибкость отвыкшим от нагрузки мышцам, час на разучивание модных танцев с чечеточником Джо Крузо, а потом путешествие по городу и знакомство со всеми новинками эстрады, появившимися за время ее отсутствия.

Думала она и о своих перспективах, об очередном ангажементе. На заднем плане маячила возможность отправиться в Лондон в качестве участницы гершвиновского шоу, которое затем собирались привезти обратно. Но Англия ей наскучила. Ее привлекал Нью-Йорк, и она хотела найти что-нибудь здесь. Это оказалось трудно: в Америке у нее было меньше поклонников, да и вся индустрия развлечений переживала не лучшие времена. Наконец ее агент раздобыл несколько предложений на роли в спектаклях, которые должны были ставиться этой осенью. Тем временем она успела слегка залезть в долги; слава богу, что почти всегда находились мужчины, желающие пригласить ее на ужин и в театр.

Март промчался незаметно. Эвелина обновила свой танцевальный репертуар и выступила в нескольких бенефисах; сезон шел на убыль. Как обычно, она торговалась с

молодыми импресарио, которые хотели «соорудить с ней что-нибудь», но которым почему-то всегда не хватало либо денег, либо театра, либо сценария. За неделю до того, как нужно было принять решение относительно поездки в Англию, она получила известие от Джорджа Айвза.

Это известие имело вид телеграммы, возвещающей о его прибытии; когда она упомянула об этом в присутствии своего адвоката, тот присвистнул.

— Женщина, неужто на твой крючок попался сам Джордж Айвз? Тогда тебе больше не нужна работа. Многие девицы стерли свои каблучки до самой подошвы, бегая за ним по пятам.

— И чем же он так хорош?

— Богат, как Крез — самый преуспевающий молодой юрист на Юге, и сейчас его выдвинули на выборах в губернаторы штата. А в свободное время он один из лучших игроков в поло во всей Америке.

Теперь присвистнула Эвелина.

— Ну и ну, — сказала она.

Новость потрясла ее. Вдруг ее чувства по отношению к нему изменились: все его поступки неожиданно показались исполненными смысла. На Эвелину произвело впечатление то, что он, выгнав все возможное о ее положении в обществе, ничего не сказал ей о своем. Только сейчас она вспомнила, что в порту он перемолвился словечком с какими-то репортерами.

Он приехал в погожий, по-весеннему трогательный день, учтивый и энергичный. У нее была назначена встреча за ланчем, но потом он забрал ее из «Рица» и привез в Центральный парк. Когда она увидела в новом свете его славные глаза и маленькие складки в уголках рта, говорящие о том, как требователен он к самому себе, ее душа рванулась к нему — она сказала, что жалеет о своем поведении в тот вечер.

— Я не возражала против того, что ты делал, только против способа, — сказала она. — Все забыто. Давай будем счастливы.

— Все произошло слишком внезапно, — сказал он. — Я совсем растерялся, когда поднял глаза там, на борту, и увидел девушку, которую искал всю жизнь.

— Разве ты не обрадовался?

— Я думал, то, что так похоже на случайно найденный цветок, не заслуживает уважения. Но все наоборот: тем больше было причин обращаться с тобой бережно.

— Очень мило, — засмеялась она. — Если будешь продолжать в том же духе, я начну бояться, что меня выбросят под колеса трамвая.

Ах как он ей нравился! Они поужинали вместе, пошли в театр, а в такси, по дороге обратно в гостиницу, она посмотрела на него в ожидании.

— Подумаешь о том, чтобы выйти за меня замуж?

— Ладно, подумаю.

— Разумеется, если ты за меня выйдешь, мы будем жить в Нью-Йорке.

— Назови меня Микки-Маусом, — вдруг сказала она.

— Зачем?

— Не знаю... Ужасно было смешно, когда ты назвал меня Микки-Маусом.

Такси остановилось у дверей гостиницы.

— Ты не зайдешь? — спросила она. — Поболтали бы еще.

Ее груди было тесно в лифе.

— Моя мать приехала со мной в Нью-Йорк. Я обещал прийти, чтобы она не скучала.

— А.

— Поужинаешь со мной завтра?

— Конечно.

Она поспешила наверх, к себе в номер, и включила фонограф. «О господи, он собирается меня уважать, — подумала она. — Он ничего обо мне не знает, ничего не знает о женщинах. Он хочет сделать из меня богиню, а я хочу быть Микки-Маусом». Она подошла к

зеркалу и стала перед ним, чуть раскачиваясь из стороны в сторону: Сегодня наши именины, Споем под звуки мандолины.

Утром, у своего агента, она столкнулась с Эдди О'Салливаном.

— Ты еще не замужем? — поинтересовался он. — Или вообще его больше не видела?

— Я не знаю, что делать, Эдди. По-моему, я в него влюблена, но у нас все как-то не в лад.

— Так прибери его к рукам.

— Именно этого я и не хочу. Хочу, чтобы меня саму прибрали к рукам.

— Что ж, тебе уже двадцать шесть, и ты его любишь. Почему бы не выйти замуж? Да и сезон плохой.

— Он американец до мозга костей, — пожаловалась она.

— Ты так долго жила за границей, что теперь сама не знаешь, чего хочешь.

— Вот пусть мужчина мне и объяснит.

Она догадывалась, что ей предстоят смотрины; в мятежном настроении, вызванном этим предчувствием, она договорилась пойти в полночь на чаплинский фильм с двумя другими знакомыми: «...потому что я напугала его в Мэриленде, и он только вежливо распрощается со мной у дверей». Вытащив из гардероба все свои платья, она решительно выбрала самое вызывающее, от «Вьонне»; в семь часов, когда Джордж зашел за ней, она пригласила его в номер и показала свой наряд, втайне надеясь, что он станет возражать.

— Может, ты предпочел бы, чтобы я выглядела как монашка?

— Не надо ничего менять. Я боготворю тебя.

Но она не хотела, чтобы ее боготворили.

На улице еще не стемнело, и ей было приятно сидеть рядом с ним в машине. В свежем, молодом шелку она чувствовала себя свежей и молодой — она с радостью ехала бы с ним вечно, если бы только знала, что впереди их что-то ждет.

...Апартаменты «Плазы» сомкнулись вокруг них; в гостиной горели люстры.

— В Мэриленде мы и вправду почти соседи, — сказала миссис Айвз. — В округе Сент-Чарльз хорошо знают вашу фамилию — там есть прекрасный старый дом, который называется Лавджой-Холл. Вы не думали купить его и отремонтировать?

— Наш род обеднел, — смело ответила Эвелина. — Я их единственная надежда, но актрисы не умеют копить деньги.

Когда явился другой гость, Эвелина вздрогнула. Из всех теней прошлого... ну надо же, полковник Кэри! Ей захотелось или засмеяться, или спрятаться. На мгновение у нее даже мелькнула мысль, уж не подстроено ли все это, — но по его удивлению она поняла, что никакого плана быть не могло.

— Рад видеть вас снова, — просто сказал он. Когда они сели за стол, миссис Айвз заметила:

— Мисс Лавджой из наших краев в Мэриленде.

— Понятно, — полковник Кэри взглянул на Эвелину и неуклюже попытался ей подмигнуть. От досады она залилась румянцем. Очевидно, он не знал ничего об ее успехе на сцене, помнил только эпизод шестилетней давности. Когда подали шампанское, она позволила слуге наполнить ее бокал, чтобы полковник не решил, будто она изображает неискушенность.

— Я думал, ты вовсе не берешь в рот спиртного, — обронил Джордж.

— Так и есть. Кажется, это мой третий бокал за всю жизнь.

Похоже, вино прояснило ситуацию; благодаря ему она осознала необходимость опередить полковника, который мог потом все рассказать Айвзам по-своему. Ее бокал наполнили вновь. Чуть позже полковник Кэри помог ей начать, спросив:

— Чем вы занимались все эти годы?

— Играла на сцене, — она повернулась к миссис Айвз: — Мы с полковником познакомились, когда у меня была самая трудная полоса.

— Неужели?

Лицо у полковника покраснело, но Эвелина упрямо продолжала:

— Два месяца я была так называемой девушкой для вечеринок.

— Девушкой для вечеринок? — озадаченно повторила миссис Айвз.

— Есть такое нью-йоркское изобретение, — сказал Джордж.

Эвелина улыбнулась полковнику.

— Это меня забавляло.

— Да, было весело, — подтвердил он.

— Мы с подружкой только что закончили школу и решили пойти в актрисы. Не один месяц обивали пороги разных агентств и контор; бывали дни, когда нам буквально нечего было есть.

— Какой ужас, — откликнулась миссис Айвз.

— Потом кто-то рассказал нам о девушках для вечеринок. Иногда предпринимателям хотелось развлечь клиентов из других городов — пение, танцы, шампанское и все такое, — чтобы те почувствовали себя в Нью-Йорке своими. Тогда они снимали зал в ресторане и приглашали дюжину девушек для вечеринок. Все, что от нас требовалось, — это надеть хорошее вечернее платье и просидеть два часа рядом с каким-нибудь пожилым мужчиной, смеяться его шуткам и, может быть, поцеловать его на сон грядущий. Иногда, садясь за стол, мы находили у себя в салфетке банкноту в пятьдесят долларов. Звучит ужасно, не правда ли, — но в те три кошмарных месяца это было для нас спасением.

В комнате повисла тишина — недолгая, если считать на секунды, но такая гнетущая, что Эвелина ощущала ее тяжесть на своих плечах. Она знала, что источник этой тишины кроется где-то в глубине души миссис Айвз, что миссис Айвз стыдно за нее и что она считает подобного рода борьбу за выживание не достойной порядочной женщины. В те же секунды она почувствовала, как губы полковника под вежливыми усами искривились в легкой зловещей усмешке, уловила, как напряглись морщинки у глаз Джорджа.

— Наверное, это было невыносимо трудно — начать сценическую карьеру, — прервала молчание миссис Айвз. — Скажите... вы в основном выступали в Англии?

— Да.

Что она такого сказала? Только правду — всю правду, и пусть этот старик ухмыляется сколько угодно. Она допила бокал до дна. Полковник загудел снова, обращаясь к миссис Айвз; воспользовавшись этим, Джордж быстро и тихо проговорил:

— Не много ли будет столько шампанского, если ты к нему не привыкла?

Она вдруг увидела в нем человека, покорного своей властной матери; ее маленькая откровенность шокировала его. Для девушки, которая вынуждена жить сама по себе, все выглядит иначе, и он, по крайней мере, должен был понять, что ей следовало опередить полковника с его возможными сомнительными намеками. Но от очередной порции шампанского она отказалась.

После ужина они с Джорджем сели за фортепиано.

— Наверное, не надо мне было говорить этого за столом, — прошептала она.

— Чепуха! Мама знает, что нынче все по-другому.

— Она была недовольна, — стояла на своем Эвелина. — А этот старикан! Прямо ожившая карикатура Питера Арно!⁵ Как Эвелина ни старалась, она не могла избавиться от впечатления, что к ней относятся чуть пренебрежительно. До сих пор ей всегда доставались лишь комплименты и восхищение.

— Если бы вам пришлось выбирать еще раз, вы опять выбрали бы сцену? — спросила миссис Айвз.

— Мне нравится моя жизнь, — с ударением сказала Эвелина. — Если бы у меня были дочери и у них обнаружился талант, я посоветовала бы им то же самое. Мне определенно не

---

⁵ Питер Арно (1904–1968) — американский карикатурист, долгие годы сотрудничавший с журналом «Нью-Йоркер».

хотелось бы, чтобы они стали просто светскими девушками.

— Но ведь талант есть не у всех, — возразил полковник.

— Конечно, со сценой связаны самые невероятные предрассудки, — упорствовала Эвелина.

— В наши дни их гораздо меньше, — сказала миссис Айвз. — Столько милых девушек идут в актрисы.

— Девушек с положением, — добавил полковник.

— Обычно они долго не продерживаются, — сказала Эвелина. — Стоит мне услышать об очередной дебютантке, которая думает ослепить мир, как я уже знаю: скоро на Бродвее опять будет провал. Но больше всего меня раздражает человеческая снисходительность. Помню одно гастрольное турне... все эти местечковые политические лидеры приглашают тебя на вечеринки, а потом шепчутся и хихикают по углам. Хихикать над Глэдис Ноулс! — голос Эвелины зазвенел от негодования: — Когда Глэдис приезжает в Европу, она обедает с самыми знаменитыми людьми во всех странах, с людьми, которые даже не подозревают о существовании этих жалких провинциалов...

— Она обедает и с их женами? — спросил полковник Кэри.

— Да, и с женами, — она остро взглянула на миссис Айвз. — Позвольте сказать вам, что девушки со сцены отнюдь не считают себя второсортными, и настоящие аристократы никогда не проявляют снисходительности по отношению к ним. Вновь наступила тишина, еще более тяжкая и глубокая, но на сей раз Эвелина, взволнованная собственными словами, этого не заметила.

— Так уж устроены американки, — сказала она. — Чем меньше у них своих достоинств, тем охотнее они критикуют тех, у кого они есть.

Она вздохнула полной грудью; ей было душно.

— Боюсь, мне пора идти, — сказала она.

— Я провожу, — сказал Джордж.

Все были на ногах. Последовали прощальные рукопожатия. Ей понравилась мать Джорджа: в конце концов, она не пыталась проявлять снисходительность.

— Было очень приятно, — сказала миссис Айвз.

— Надеюсь, мы скоро встретимся. Доброй ночи.

Сев с Джорджем в такси, она назвала шоферу адрес кинотеатра на Бродвее.

— У меня там встреча, — призналась она.

— Понятно.

— Ничего важного. — Она глянула на Джорджа и коснулась его руки. Почему он не попросит отменить эту встречу? Но он сказал только:

— Лучше поехать по Сорок пятой.

Что ж, может быть, ей и правда стоит вернуться в Англию... и быть Микки-Маусом. Он ничего не знал о женщинах, ничего не знал о любви, а для нее это было непростительным грехом. Но почему вдруг черты его застывшего лица в свете вечерних фонарей так напомнили ей отцовские?

— А ты не хочешь в кино? — предложила она.

— Я немного устал... пойду домой.

— Позвонишь завтра?

— Обязательно.

Она помедлила. Что-то было неладно, и она боялась расставаться с ним. Он помог ей выйти из такси и расплатился с шофером.

— Пойдем с нами, — сказала она почти с тревогой. — Послушай, если хочешь...

— Я хочу прогуляться!

Она заметила приятелей, которые ждали ее у здания, и помахала им.

— Джордж, что-нибудь не так? — спросила она.

— Все в порядке.

Он никогда еще не казался ей таким притягательным, таким желанным. Когда подошли

ее друзья, двое актеров — рядом с ним они выглядели простоватыми, чуть ли не подозрительными, — он снял шляпу и сказал:

— Доброй ночи, надеюсь, картина вам понравится.

— Джордж...

...И тут случилось странное. Только сейчас она впервые осознала, что ее отец умер, что она осталась одна. Она считала, что может сама себя обеспечить: ведь за иной сезон она зарабатывала столько, сколько его практика не приносила и за пять лет. Но он всегда как-то незаметно ее поддерживал, его любовь всегда помогала ей... она никогда не чувствовала себя перекаати-подем, у нее всегда был родной уголок.

И вот она осталась одна — одна в этой толкотне, среди равнодушной толпы. Что же, она думала полюбить этого человека, который обещал ей так много, с наивным романтизмом восемнадцатилетней? Он любил ее — любил сильнее, чем кто бы то ни было в этом мире. Она знала, что ей никогда не стать великой актрисой, и понимала, что в ее возрасте девушке пора позаботиться о себе.

— Послушайте, — сказала она. — Мне надо идти. Подождите меня... или нет, не надо.

Подобрав полы своего длинного платья, она пустилась по Бродвею за ним вдогонку. Из всех театров валом валили зрители, и проспект был запружен народом. Она надеялась заметить цилиндр Джорджа, но теперь вокруг было много цилиндров. На бегу она отчаянно озиралась, заглядывала в чужие лица. Ей крикнули вслед что-то оскорбительное, и она содрогнулась, вновь почувствовав свою незащищенность. На перекрестке она со страхом посмотрела вперед: весь следующий квартал кишел людьми. Но Джордж, наверное, покинул Бродвей, и она метнулась налево, по полутемной Сорок восьмой улице. И тут она увидела его — он шагал быстро, как человек, который хочет что-то забыть, — и нагнала на Шестой авеню.

— Джордж! — окликнула она.

Он обернулся; его лицо было жестким и несчастным.

— Я не хотела идти на этот фильм, Джордж, я хотела, чтобы ты попросил меня не ходить. Почему ты меня не попросил?

— Мне было все равно, пойдете вы или нет.

— Что ты говоришь! — вскричала она. — Значит, тебе на меня наплевать?

— Хотите, я поймаю вам такси?

— Нет, я хочу быть с тобой.

— Я иду спать.

— Тогда я тебя провожу. Что стряслось, Джордж? В чем я виновата?

Они пересекли Шестую авеню, и улица стала темнее.

— Что случилось, Джордж? Пожалуйста, скажи. Если я сделала что-то не то у твоей матери, почему ты меня не остановил?

Он вдруг оборвал шаг.

— Вы были нашей гостьей, — сказал он.

— Что я сделала?

— Нет смысла это обсуждать, — он махнул проезжающему такси: — Совершенно очевидно, что мы смотрим на вещи по-разному. Я собирался написать вам завтра, но если уж вы меня спросили, можно покончить с этим и сегодня. — Но почему, Джордж? — взмолилась она. — Что я такого сделала?

— Вы приложили все усилия к тому, чтобы самым нелепым образом обидеть пожилую женщину, которая отнеслась к вам со всем возможным тактом и любовью.

— Ах, Джордж, я этого не делала! Я пойду к ней и извинюсь. Сегодня же пойду.

— Она не поймет. Просто мы по-другому смотрим на вещи.

— О-о... — она замерла, пораженная.

Он хотел было сказать что-то еще, но, глянув на нее, открыл дверцу такси:

— Здесь всего два квартала. Простите, что не еду с вами.

Она отвернулась и прислонилась к железным перилам какой-то лестницы.

— Сейчас, — сказала она. — Не ждите.

Она не играла. Ей и впрямь хотелось умереть. «Это слезы по отцу, — сказала она себе, — не по нему, а по отцу».

Ей было слышно, как он зашагал прочь, остановился, помешкал... вернулся.

— Эвелина.

Его голос прозвучал сзади, совсем рядом.

— Ах ты, бедная девочка, — промолвил он. Затем ласково развернул ее за плечи, и она припала к нему. — Да, да, — воскликнула она с гигантским облегчением. — Бедная девочка... Твоя бедная девочка.

Она не знала, любовь это или нет, но всем своим сердцем и душой чувствовала одно: что больше всего на свете ей хочется спрятаться у него в кармане и вечно сидеть там в покое и безопасности.